

С.Ш. АЙТОВ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И СЕМИОТИКИ 1960-х – 1980х гг.

Айтов Спартак Шалвович – доцент кафедры философии и социологии Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, кандидат исторических наук

Проблема данной работы состоит в изучении концепций социально-гуманитарных наук, анализирующих сущностные ментальные, социально-психологические и социально-культурные факторы развития обществ прошлого и, в определённой степени, социумов современности.

Цель работы заключается в анализе историко-антропологически ориентированных культурологических и семиотических исследований 1960х – 1980х гг., периода интенсивного и плодотворного развития различных направлений социально-гуманитарного познания. Многоаспектные изыскания и реконструкции бытования и эволюции „человека во времени” - когнитивного идеала исторической антропологии, культурологии и семиотики проанализированы в работах современных исследователей. Так, В.В. Иванов рассмотрел культурологические и семиотические концепции О.М. Фрейденберг, видного историка культуры, в их корреляции с социологией (реконструкцией социальных практик) [7, 87-89].

Тему научного взаимодействия культурологии, социологии, социальной психологии и семиотики затронул также О.С. Воскобойников – в части оценки влияния на средневековый социум паранаучных традиций и знаний [4, 83-85]. Вместе с тем, указанная проблематика, по существу, пребывает в начальной фазе исследования.

Для анализа историко-антропологических подходов в культурологии и семиотике важное значение имеют категории естественного и искусственного языка. Понятие естественного языка является одним из основных в

культурологии и семиотике. Как указывает А.А. Ветров, понятие естественного языка является центральным понятием науки о знаках. Отличительной чертой языкового знака он считает то, что последний производится человеком и служит для общения отдельных индивидуумов [3, 73]. А.Ф. Лосев отмечает активность языкового знака, языкового обозначения. По его мнению, все слова имеют значение в том простом смысле, что они являются символами, обозначающими нечто иное, чем они сами [4, 74]. Называя вещь, присваивая ей имя, человек делает её предметом мысли. Посредством именования вещь оказывается включённой в сферу теоретизирования. Она превращается в элемент умственной деятельности [1, 75]. Ряд исследователей указали на взаимодействие естественного языка и содержания человеческого мышления. Э. Кассирер писал о неразрывности интуитивного видения мира и естественного языка [16,64]. Одним из принципов постструктурализма является принцип логоцентризма, согласно которому, тип мышления обуславливает структуру и функцию разговорного языка [5,208].

А.А. Ветров определяет естественный язык как совокупность языковых смысловых единиц, то есть совокупность предметов, которые обладают смысловым значением и которые производятся самыми организованными системами [3, 78-79]. Естественный язык не только связан с мышлением, но и определённым образом влияет на формирование у человека представлений о мире. А.Ф. Лосев указывает, что при условии реального существования обозначаемого предмета, язык часто привносит с собой нечто небывалое [9, 2] – новое в восприятии действительности. Исследователь подчеркивает, что языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности, но и из коммуникативного использования действительности, и, следовательно, из того или иного её переделывания [9, 13]. Принцип лингвистической дополнительности допускает дополнительное «видение» мира через «языковые представления», которые возникают в силу специфических особенностей (естественных) языков. По мнению Р.Г. Алояна, эта концепция признаёт обусловленность мышления языком. Принцип лингвистической

дополнительности основывается на представлении о дополнительной роли языковых факторов в образовании познавательной картины мира, наличии различных (этнических) „видений” мира, определяемых семантическими свойствами (естественных) языков [1, 81].

А.Ф. Лосев высказывается о воздействии языка на мысль и „видение” мира ещё более определённо. По его мнению, семантический акт является не просто воспроизведением предметов в уме человека – но ещё и конструирует то или иное их понимание [9, 15]. Обозначив творческую роль языка в восприятии человеком действительности, исследователь указывает и на феномен воздействия языка на саму действительность. Всякое строительство жизни при помощи языка он называет «конструктивно-техническим» (ментальным) актом [9, 26].

Э. Кассирер подчёркивает роль языка в „конструировании мира объектов” (то есть мира действительности), в формировании картины мира в обыденном сознании. В.П. Медведев указывает на популярность темы «влияние естественного языка на формирование представлений о мире, «картины мира» у западных учёных. В качестве примера он приводит принцип лингвистической относительности американских учёных Э. Сепира-Б. Уорфа [16, 63].

Б. Уорф считает, что европейские языки „навязывают” говорящим представления о мире как о наборе отдельных предметов и событий [16, 63]. Общие представления Кассирера, Сепира и Уорфа состоят в том, что дифференциация мира (в человеческом сознании) – на вещи, свойства и отношения – это продукт воздействия языка на человеческое мышление [15, 14].

Суммируя концепции указанных выше учёных о языке, можно сказать, что, по их мнению, естественный язык оказывает воздействие на мир реальный, мир социальной реальности посредством воздействия на формирование у человека – и у социума в целом – определённой картины мира, „видения” мира, в соответствии с которым человек строит своё общественное и частное

поведение, а социум функционирует. Язык, также, оказывает влияние на образование в социуме системы морально-этических ценностей.

Ю.М. Лотман определяет язык как структурное „штампующее” устройство. Именно он снабжает членов коллектива интуитивным чувством структурности, именно он своей системностью, своим преобразованием „открытого” мира реалий в «закрытый» мир имён заставляет людей трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых не является очевидной. Языковая структура отвлекается от (собственно) языкового материала, получает самостоятельность и переносится на всё возрастающий круг явлений, которые начинают в системе человеческих коммуникаций вести себя как языки, и, тем самым, становятся элементами культуры [15, 165]. В теоретических построениях Ю.М. Лотмана понятия „естественный язык” и „культура-в-целом” тесно связаны между собой. Исследователь указывает, что в реально-историческом функционировании языки и культура неотделимы. Невозможно существование „естественного языка”, <...> который не был бы погружён в среду исторических традиций и ментальности в контекст культуры и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка [15, 146]. В свою очередь, основная работа культуры заключается в структурной организации окружающего человека мира. Культура-генератор структурности, и этим она создаёт вокруг человека социальную сферу, которая <...> делает возможной общественную жизнь [15, 146]. Ю.М. Лотман считает, также, что отдельные искусства построены по типу (естественных) языков [14, 16]. Из сопоставления представлений о сущности естественного языка и его влиянии на действительность, можно сделать вывод о близости теоретических позиций Ю.М. Лотмана и А.Ф. Лосева, Э. Э. Кассирера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Ветрова, А.Г. Алояна.

Подобно названным ученым тартуский исследователь разделяет положение о воздействии естественного языка на реальность, Однако вместо "двухчастной" системы: язык-действительность, Ю.М. Лотман предлагает „трёхчастную”: язык- культура-действительность. Культура в этой формуле

является опосредующим звеном. По Ю.М. Лотману, естественный язык способствует возникновению и развитию культуры, а последняя оказывает значительное влияние на социально-политические реалии, бытовое и общественное поведение членов социума. Можно сказать, что влияние языка на действительность опосредовано и многократно усилено сферой духовной культуры, стереотипами „видения” и восприятия мира.

Наряду с понятием естественного языка заметную роль в ориентированных на изучение мира человека прошлого культурологии и семиотике играет понятие искусственного языка, то есть такой информационной и коммуникационной знаковой системы, в которой исходными смысловыми элементами являются элементы динамичных культурных феноменов, в частности, мифологические герои и сюжеты – в мифологии, ритуалы и заклинания; в магии последовательность и сущность церемониала в системе придворного этикета и т.д. Исследование искусственных языков тесно связано со структуральным методом, прежде всего изучающим значение, семантику литературы, фольклора, мифа [10, 483]. Исследуя явление карнавалов европейского Средневековья, М.М. Бахтин пришёл к выводу, что данный феномен культуры выработал целый язык символических, конкретно-чувственных форм: от больших и сложных массовых действий до отдельных карнавальных жестов <...>. Язык этот невозможно перевести полно и адекватно на язык отвлечённых понятий, но он поддаётся известному транспонированию на родственный ему по конкретно-чувственному характеру язык литературы [6, 8]. Сделав это открытие, М.М. Бахтин, по мнению В.В. Иванова, предвосхитил широко используемое в современной семиотике разграничение естественного языка и надъязыковых (вторичных моделирующих) систем знаков [6, 9], которые вполне отождествимы с искусственными языками. А.Ф. Лосев много занимался исследованиями искусственного языка античной мифологии, которая разработана у учёного в обширной серии экскурсов самого различного содержания: мифологичность

костюма, поведенческих стереотипов (жестов, манер, походки), <...> деталей религиозного обряда, <...> идеологических штампов, и т.д. [19, 136].

С.С. Хоружий назвал исследования А.Ф. Лосева теоретическим осмыслением мифов <...> в русле семиотики [19, 136-137]. По его мнению в экскурсах исследователя можно увидеть немало общего с семиотикой. Под мифологией А.Ф. Лосев понимал, как считает Хоружий, именно семиотику [19, 136-137]. Пионером применения семиотических методов в этнографии был советский фольклорист П.Г. Богатырёв, чьи исследования датский лингвист и семиолог Л. Ельмслев охарактеризовал как „серьёзные попытки начать изучение других знаковых (но не естественно-языковых) систем, а именно народных обычаев на более широкой семиологической основе”. Богатырёв использовал опыт структурной лингвистики и структурной поэтики для изучения неязыковых знаковых систем. Например, исследования одежды как знака и изучение конкретного многообразия таких систем на богатом этнографическом материале [6, 74].

В качестве примеров искусственного языка А.А.Ветров указывает на такие элементы повседневной жизни, как языки одежды, манер жестов, которые также, в известном смысле служат для коммуникаций [3, 74]. Языковые знаки таких структур А.А.Ветров называет интенциональными, поскольку их целью являются намерения с сознательной целью сообщить нечто другому человеку [3, 74]. Р. Барт достаточно подробно описал структуру языка одежды. По мнению учёного данный язык, язык бытового и социального значимого поведения составляют следующие компоненты:

1. Совокупность оппозиций ,в которых находятся части „деталей” туалета и вариации которых влекут за собой смысловые изменения.
2. Правила, в соответствии с которыми отдельные детали одежды могут сочетаться между собой. В качестве другого примера Барт приводит структуру языка пищи . Он полагает, что данный язык состоит из четырёх компонентов:

1. Правила ограничений (пищевые табу).

2. Совокупность значащих оппозиций , в которых находятся признаки типа: солёный - сладкий.
3. Правила сочетаемости блюд.
4. Привычные способы приёма пищи [2, 78].

Как считает И.Розовская, символические языки, семиотические системы действовавшие и действующие в обществе исторически обусловлены и потому их исследования и реконструкция много могут сообщить об определённой исторической эпохе [18, 135].

Достаточно значительное место в творчестве Ю.М. Лотмана занимала проблема объяснения социокультурных феноменов и процессов в России XVIII - первой половины XIX в посредством анализа „символических языков” и „семиотических систем” (воплотивших особенности восприятия и социально-значимого поведения) данной исторической эпохи. Это позволило ему прийти к целому ряду оригинальных культурологических и историко-антропологических выводов. Так, по мнению исследователя, деятельность Петра I в России в большой степени являлась борьбой со старинными ритуалами и символами, которая на деле выразилась в создании новых знаков (отсутствие бороды стало столь же обязательным , как и её ношение-раньше, и др.) [15, 145].

Деятельность Павла I заключается, по Ю.М Лотману в резком усилении знаковости уже имеющихся форм , повышении их символического характера-генеалогическая символика, символика парадов, церемониала и др. [15, 71].

Регулярное государство Петра I осознавало себя как систему указов, нормативов и правил, которые, подобно мифологии, фольклору, одежде, пище являются, своего рода искусственными языками и порождены ментальными и социокультурными особенностями российского общества. Указы о взятках в России XVIII века издавались, как считает Ю.М. Лотман, не ради реального эффекта, а ради самих себя как знаков. Система государственных установлений существовала параллельно с системой обычаев, т.е. жизни вне ранга. Культуру жизни согласно „обычаю”- а не в соответствии с предписаниями „регулярного

государства” , Ю.М. Лотман называет культурой текстов, а официальную- культурой грамматик. Различие этих двух культур приводило , по его мнению, к тому, что вводимые „сверху” (государством) в систему культуры текстов грамматики (указы, и т.д.) функционировали в первой на правах текстов, а закон употреблялся как обычай. Следовательно, „Регламенты” не преобразовывали общество, а растворялись в обычаях. В частности, систему обычаев образовывали награды, внешний вид знаков отличия, правила их ношения [12, 171]. Семейные и родственные связи составляли в жизни русского дворянства XVIII - начала XIX вв. вполне реальную форму общественной организации, которая открывала возможность обойти систему государственных установлений и предписаний, „Табель о рангах” [13, 127]. В качестве семиотической системы искусственного языка, Ю.М. Лотман рассматривал и бытовое поведение [11, 65] представителей „культурного слоя” России

XVIII - первой половины XIX вв. Для русского XVIII века исключительно характерно то, что дворянский мир ведёт жизнь-игру, ощущая себя как-бы на сцене <...> [11, 68]. Переезжая из Санкт-Петербурга Москву, из Подмосковного имения в Москву, или Петербург, из России в Европу - дворяне, чаще всего бессознательно, но всегда безошибочно изменяли стиль своего поведения. Процессами „стилеобразования” <...> определялась разница в стилях поведения

служащего и отставного, военного и штатского, столичного и нестоличного дворянина. Манеры разговора, походка, одежда безошибочно указывали, какое место в стилевом полифонизме каждодневного быта занимает данный человек [11, 71]. Стили бытового поведения русского дворянства (и адекватных ему систем представлений о мире) данного периода времени образуют, по Ю.М. Лотману, своеобразный искусственный язык, в которой смысловыми единицами выступают стили поведения, сюжеты поведения, становящиеся, со временем, стереотипами ориентации в социальной пространстве, „видения” мира различных сообществ

определённого социума (в данной случае - русского дворянства XVIII - первой половины XIX вв.). Наличие в сознания социума, или отдельной его части некоторой суммы (таких) сюжетов позволяет кодировать реальное поведение, относя его к значимому или незначимому и приписывая ему то одно, то другое значение. В этих условиях низшие единицы знакового поведения: жест и поступок, получают свою семантику и стилистику не изолированно, а в отнесённости к категории более высокого уровня: сюжету, стилю и жанру поведения [11, 77].

Ю.М. Лотман не формулирует определения и признаков искусственного языка. Однако, подобно М.М. Бахтину, А.Ф. Лосеву, П.Г. Богатырёву, Р. Барту он обособил этот феномен на материале собственных исследований - российской дворянской культуры XVIII - первой половины XIX вв. - в отличие от искусственных языков карнавалов, античной мифологии, фольклора, одежды и пищи. Отличием можно считать и то обстоятельство, что Ю.М. Лотман не только установил факт существования искусственных языков в России в указанное выше время: языки „регулярной” и „нерегулярной” культур, бытового поведения русского дворянства, представленных как сложные системы, с низшими – жест, поступок – и высшими – стиль, сюжет поведения-иерархическими уровнями, но и предложил своё объяснение социокультурных процессов в „императорской” России (в частности, причины непримиримости Петра I в борьбе с традициями и неудач кампания против взяточничества). Иными словами, Ю.М. Лотман сделал шаг от констатации существования искусственных языков к практическому применению этого феномена для объяснения социопсихологических и социокультурных процессов.

Таким образом можно прийти к выводу о научной эффективности и значимости когнитивного диалога исторической антропологии, представленной методологией и идеалом изучения „человека во времени”, культурологии и семиотики. Эта интеллектуальная система позволяет анализировать глубинные причины и механизмы и мотивацию развития людей, социальных групп и социумов прошлого – и настоящего, создаёт основу для интеграции

антропологических научных ценностей в пространстве социально-гуманитарных наук и углубления анализа как универсума общественно-гуманитарного познания так и социально-культурной реальности. Последние факторы сообщают исследованиям указанной проблематики научную и социальную перспективу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ. М., 1985
2. Барт Р. Основы семиологии /Структурализм: «за и против». - М., 1975
3. Ветров А.А. Семиотика и её основные проблемы. - М., 1968
4. Воскобойников О.С. О языке средневековой астрономии (О применении риторических понятий в истории культуры) /Одиссей – М.: Наука, 2007
5. Галинская И.Л Постструктурализм в современной философско-эстетической мысли / Зарубежное литературоведение 1970-х годов: направления, тенденции, проблемы. - М., 1989
6. Иванов В.В. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотике /Труды по знаковым системам. – Т.VI – Тарту, 1973
7. Иванов В.В. Семиотика культуры среди наук о человеке в XXI столетии /Одиссей. – М., 2000
8. Касавин И.Т. [Выступление]. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (круглый стол) //Вопросы философии – 2007-. №6.
9. Лосев А.Ф. Язык как орудие общения в ленинской теории отражения //Лосев А.Ф. Знак.Символ.Миф. – М., 1982
10. Лотман Ю.М. О.М. Фрейденберг как исследователь культуры / Труды по знаковым системам. . – Т.VI – Тарту, 1973
11. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века /Труды по знаковым системам. – Т.VIII – Тарту, 1976
12. Лотман Ю.М. Проблема „обучения” культуре как её типологическая необходимость /Труды по знаковым системам. – Т.V – Тарту, 1972
13. Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Труды по знаковым системам – Т.VII – Тарту, 1975
14. Лотман Ю.М. Структура художественного текста – М., 1970
15. Лотман Ю.М. Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры /Труды по знаковым системам – Т.V – Тарту, 1972
16. Медведев В.П.Философия языка Э.К. Кассирера //Философские науки. – 1988-. №3
17. Микешина Л.А. [Выступление]. [Круглый стол по обсуждению книги В.С. Стёпина «Теоретическое знание»]// «Вопросы философии. – 2001-. №1
18. Розовская И.И. Проблема социально-исторической психологии за рубежом // Вопросы философии – 1972- №7.
19. Хоружий С.С. Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // Вопросы философии – 1992- №10.

